

ПЕРЕПИСКА С И.Г. ЭРЕНБУРГОМ (1910 – 1916)

Вступительная статья, публикация и комментарии Б.Я. Фрезинского

В.Я. Брюсов сыграл существенную роль в творческой судьбе Ильи Эренбурга, разглядев в его первых, еще несамостоятельных стихах будущего поэта. Это было тем более важно, что литературная работа Эренбурга начиналась вдали от родины¹: участник революционного движения, он вынужден был эмигрировать в Париж, спасаясь от преследования властей. Судя по первому печатающемуся здесь письму, весной 1910 года Брюсов познакомился с рукописью эренбургских стихов и сообщил автору свои замечания. Неизвестно, кто именно передал Брюсову рукопись Эренбурга. Между весной 1909 года, когда Эренбург начал писать стихи, и январем 1910 года, когда они впервые появились в печати², его стихотворные опыты знали лишь близкие друзья. Лучше других стихи Эренбурга знала Е.Г. Мовшензон, студентка Сорбонны, недавняя участница революционного движения в Петербурге, впоследствии известная поэтесса Елизавета Полонская. В ноябре 1909 года она писала из Парижа своей матери: “Илья все время в Вене, работает там в газете. После моих экзаменов он был здесь недолго и снова уехал. Его процесс разбирался в Москве, но его выделили, не помню почему – или за неявную, или родители представили свидетельство о болезни. Так как он привлекался по делу о московской (военной) организации, ему бы дали 4 года каторги. Поэтому он предпочитает оставаться за границей. Он стал писать стихи и у него находят крупное дарование”³. Возможно, Полонская показывала стихи Эренбурга в петербургских редакциях, когда приезжала на каникулы домой летом 1909 года. Может быть, именно она переслала стихи Эренбурга Брюсову, которого очень ценила; может быть, это сделал Эренбург сам. Так или иначе, с весны 1910 года началась переписка Брюсова с Эренбургом.

Однако знакомство начинающего стихотворца с признанным мэтром было не только литературным. Их судьбы своеобразно переплетены дружбой с Н.Г. Львовой, товарищем Эренбурга по большевистской организации в Москве в 1906–1908 годы, начавшей затем, как и Эренбург, писать стихи, и в 1911–1913-е годы вошедшей в жизнь Брюсова. Именно Львова познакомил юного Эренбурга со стихами автора “Urbi et Orbi”, а впоследствии рассказывала Брюсову о своем молодом друге⁴.

В 1909–1910-е годы стихи Брюсова постоянно сопровождали Эренбурга, и он имел основание написать Валерию Яковлевичу: “Ваши книги были моими учебниками” (п. 1). Первая книга Эренбурга “Стихи” вышла в Париже не позднее августа 1910 г. тиражом не более двухсот экземпляров; нельзя не удивиться тому, что она была тут же замечена в России и вызвала множество откликов в столичных и периферийных изданиях. Отнесясь к находящемуся на чужбине молодому автору с симпатией и поддерживая обещающий талант, критика вместе с тем предостерегала его от очевидных влияний. Их перечень был широким – от французских символистов до Блока и Кузмина. Эренбург и сам сознавал подражательный характер своих первых опытов, потому так важен для него был вопрос, адресованный Брюсову: “...есть ли в этих стихах мое?” (п. 1).

Отклик Брюсова на первую книгу Эренбурга появился во втором номере “Русской мысли” за 1911 г. Выделив из тридцати с лишним книжек начинающих авторов “Стихи” Ильи Эренбурга и “Вечерний альбом” Марины Цветаевой, Брюсов писал: “Обещает выработаться в хорошего поэта И. Эренбург, дебютирующий небольшой книжкой стихов, изданных в Париже. В его стихах сказывается не столько непосредственное дарование, сколько желание и умение работать. Появляясь в печати в первый раз, он уже обнаруживает настоящее мастерство стиха. Среди молодых, разве одному Гумилеву уступает он в умении построить строфу, извлечь эффект из рифмы, из сочетания звуков. В отличие от большинства начинающих, И. Эренбург не исключительно лирик, он охотно берется за полу-эпические темы, обрабатывая их в форме баллады (в этом отношении тоже напоминая Гумилева). Пока И. Эренбурга тешат образы средневековья, культ католицизма, сочетание религиозности с чувственностью, но эти старые темы

И. Г. ЭРЕНБУРГ

Фотография. Париж, 1911

Собрание И. И. Эренбург, Москва

ка. Именно в этом смысле Волошин называет Эренбурга «ослабленным Гумилевым». Характерно, что в «Письмах о русской поэзии» Гумилев, внимательно прочитавший эренбургскую книжку и нашедший поставленные в ней автором задачи интересными, утверждал, что у Эренбурга нет данных для их решения⁹. 20 июня 1911 г. Брюсов писал Гумилеву по поводу этой статьи: «Читал Ваше письмо о поэзии и в большинстве с Вашими отзывами согласен... В Эренбурга я поверил по его первым стихам. Продолжаю еще верить. Что у него много слабого – меня не смущает: у кого нет слабого в дебютах? Более меня тревожит, что он пишет и в «Сатириконе», и (кажется) в «Синем журнале». Это – путь опасный»¹⁰.

Замечание Брюсова относится к стихам Эренбурга, появившимся в печати после его первой поездки в Италию весной 1911 г. Итальянские впечатления отразились во многих стихах, которые Эренбург активно рассылал по редакциям петербургских и московских журналов. Но, кроме «Сатирикона», где в трех номерах (10, 17 и 22) были напечатаны три его стихотворения, только журнал «Свободным художествам» (№ 7–8) и газеты напечатали тогда эренбургские стихи. В «Синем журнале» Эренбург не печатался. Стихи, посланные Брюсову для «Русской мысли» (п. 2–3), также не появились в журнале.

К лету 1911 г. сложилась новая книга стихов Эренбурга «Я живу»; она вышла в Петербурге не позднее сентября того же года¹¹. Оперативные рецензенты отметили рост автора. «Муза его решительно сбросила с себя фальшивый, жеманный наряд», – писал С. Городецкий¹². «И. Эренбург сделал большие успехи со времени выхода его первой книги... Из разряда подражателей он перешел в разряд учеников и даже иногда вступает на путь самостоятельного творчества», – отмечал Н. Гумилев в очередных «Письмах о русской поэзии»¹³. Как и прежде, Эренбург послал свою новую книгу Брюсову¹⁴. Однако Брюсов, приветствовавший выход первой книги Эренбурга, не спешил высказываться в печати о второй.

После выхода сборника «Я живу» Эренбург шлет Брюсову новые стихи. Одно из них («Перед Флоренцией») появилось в «Русской мысли» (1912, № 4) – это единственная публикация Брюсовым эренбургских стихов. Былос увлечение средневековым и итальянские впечатле-

он пересказывает изящно и красиво. Строгость его манеры, обдуманность эпитетов, отчетливость и ясность его изложения показывают, что у него есть все данные, чтобы в поэзии достигать поставленных себе целей»⁵.

Брюсовский отзыв был столь авторитетен, что мать Эренбурга сообщила о нем в Париж телеграммой⁶. Как бы ни менялось впоследствии отношение Эренбурга к литературной работе Брюсова, чувство признательности за щедрое внимание и поддержку оставалось неизменным; о первом печатном отзыве Брюсова Эренбург не забывал никогда. Рецензируя в 1922 г. цветастые книги «Разлука» и «Стихи к Блоку», Эренбург писал в открытом письме к их автору: «Наши первые книжки – ровесники. Вы, верно, помните 1910 год, первое напечатанное имя и нас обоих, неуклюжих и топорщащихся в ежемесячном улове маститого Валерия Яковлевича?»⁷

Среди двадцати рецензий на первый сборник Эренбурга отметим в интересующем нас плане статью М. Волошина «Позы и трафареты»⁸, где все молодые поэты подразделялись на последователей Брюсова («искусственность и холодно-формальный романтизм») и Бальмонта («наивная и навязчивая откровенность»). Волошин писал, что все типичные черты брюсовской школы настолько концентрированно сосредоточены в стихах Гумилева, что остальные представители этой школы кажутся учениками учени-

Н.Г. ЛЬВОВА

Фотография. 1913

Литературный музей, Москва

ния сменились в новых стихах Эренбурга грустными воспоминаниями о детстве и Москве. Эти стихи составили третий сборник Эренбурга “Одуванчики”, вышедший в Париже не позже мая 1912 г.¹⁵ В. Ходасевич отметил, что новая книга Эренбурга “гораздо менее претенциозна, чем его предыдущие сборники”¹⁶.

Из появившейся в “Русской мысли” (1912, № 7) рецензии Брюсова на обе последние эренбурговские книги стало известно, что он решительно не принял сборника “Я живу”, найдя его “крикливым и необдуманым”. Поскольку “Одуванчики” ему тоже не понравились (хотя, как замечает Брюсов, в них есть “немало милых стихов, определенно в пушкинском духе”), следует вывод: Эренбург “не оправдал пока надежд двумя своими новыми книгами”. На фоне других в общем-то доброжелательных откликов рецензия Брюсова была резкой. Скорей всего, однако, она не слишком огорчила Эренбурга – он уже ушел от недавних литературных привязанностей, считая стихи символистов вчерашним днем русской поэзии («... символисты, – писал Эренбург в статье “Заметки о русской поэзии”, – либо пытаются выйти из прежнего круга, создавая вещи слабые и малоинтересные, либо повторяют старые мотивы, но с меньшим подъемом... Брюсов, лавируя меж “Парнасом” и недоступной ему лирикой – в “Зеркале Теней” остается все тем же умным, культурным и безнадежно холодным»¹⁷).

Ежегодно Эренбург выпускал новый сборник стихов, и каждая новая книга отвергала предыдущие – поиск своего голоса, своих тем, своих интонаций был трудным. Четвертая книга Эренбурга “Будни” вышла в Париже в 1913 г.; ее распространение в России было запрещено цензурой. Для того, чтобы убедить председателя цензурного комитета гр. А. Муравьева запретить книгу, цензору оказалось достаточным привести из нее страничку цитат¹⁸. Отзыв о “Буднях” Брюсова, за 20 лет до того эпиграфовавшего русскую публику своими стихами, мало чем

отличался от мнения цензора: «Эренбург ... целую книжку посвятил таким вещам, о которых не только в поэзии, но и в обществе принято “не говорить”»¹⁹. Брюсов был не одинок в неприязни “Будней”. Писавшие об этой книге разделились на две группы: одни возмущались непристойностью парижских сюжетов, полагая, что стихи Бодлера и Верлена “спровоцировали” молодого поэта на непринятые в русской поэзии описания, другие говорили только о пронзительности русской темы²⁰.

В статьях 1911–1913-х годов²¹ Эренбург писал о признанных мастерах русского стиха (о Блоке, Брюсове, Кузmine) и о начинающих тогда Ахматовой и Цветаевой, пытался осмыслить “пути и перепутья” русской поэзии. Однако информация о новых явлениях в русской поэзии, которой располагал Эренбург, была неполной – и тогда, и тем более позже, во время первой мировой войны, в Париж доходили отнюдь не все русские публикации и не все книги (стихи Хлебникова и Маяковского, скажем, Эренбург узнал только вернувшись в Россию в 1917 г.) С другой стороны, Эренбург хорошо знал современную ему французскую поэзию, и она влияла на его собственное творчество. Примерно с лета 1912 г. Эренбург начинает переводить французских поэтов. Начал он со стихов Франсиса Жамма, оказавшего на него в ту пору заметное влияние и мало переведившегося в России²². Успех книги Жамма²³, вызвавшей десяток положительных рецензий в петербургских и московских изданиях, подтолкнул Эренбурга к созданию антологии новой французской поэзии. Эренбурга связывали дружеские отношения со многими выдающимися поэтами Франции, тогда еще неизвестными широкой публике в России – Аполлинером, Жакомом, Вильдраком, Сальмоном; его желание познакомить с ними русских читателей было естественным. Первоначально Эренбург определил временные рамки антологии (п. 8) 1880–1910 гг., потом уточнил, воспользовавшись историческими веками: 1870–1913. Ему пришлось взяться за перевод и тех поэтов, стихи которых уже были хорошо известны в России и в подлинниках, и в признанных переводах Брюсова, Сологуба, Бальмонта. «Я много работал последнее время над “Антологией” современных французских поэтов, – сообщал Эренбург в конце 1913 г. П.Н. Зайцеву. – Хотелось создать нечто подлинно лирическое и непохожее на официальные хрестоматии Брюсова»²⁴. Прямое отталкивание от переводческой системы Брюсова и, в свою очередь, неприятие Брюсовым новых книг Эренбурга не помешало им поддерживать дружеские связи. В конце 1913 г., по воспоминаниям Эренбурга, Брюсов пишет ему письмо, содержавшее отклик на самоубийство Н. Львовой²⁵. В связи с работой над антологией Эренбург обращается к Брюсову с просьбой прислать недоступные ему библиографические сведения о брюсовских переводах и критике (п. 8). Брюсов, как и ряд других переводчиков французской поэзии, к которым Эренбург обратился с аналогичной просьбой²⁶, откликнулся на нее (п. 9), но библиография, приведенная в антологии, все равно оказалась неполной, и Брюсов отметил это, рецензируя эренбургскую антологию²⁷.

Книга “Поэты Франции” вышла не позднее февраля 1914 г. в Париже²⁸. В нее вошло семьдесят четыре стихотворения двадцати девяти поэтов, причем стихи восемнадцати из них впервые появились по-русски. О проблеме точности поэтического перевода спорят по сей день; неудивительно, что эренбургская антология вызвала литературную полемику. Брюсов упрекал Эренбурга, в частности, в несоблюдении размеров²⁹, Б. Эйхенбаум – в однообразии звучания в его переводах голосов различных поэтов³⁰. С. Городецкий, по существу возражая сторонникам брюсовской школы перевода, писал, что эренбургская антология “составлена по принципу личного пристрастия. А тайна перевода постигается именно при этом условии, а отнюдь не механически”³¹. Критики, задетые эренбургским Верленом, на остальные переводы в антологии не обратили внимания. Впрочем, сам Брюсов был внимательным читателем и, отметив переводы новых авторов, похвалил перевод Вильдрака за “достаточную точность”. Однако впервые переведенный на русский язык Аполлинер остался незамеченным. Приведем здесь слова Б.А. Слуцкого, сказанные им от имени последующих за брюсовским поколений русских поэтов, принявших эренбургскую антологию: “Двадцатилетний Илья Эренбург сделал то, что не довелось сделать несравненно более опытным в то время Валерию Брюсову и Федору Сологубу. В толпе двадцатилетних, как и он сам, французских поэтов Илья Эренбург отличил и перевел на русский язык именно тех, кто стал будущим французской поэзии, – Аполлинера, Сальмона, Вильдрака”³². Русские символисты поддерживали и пропагандировали в России французских символистов, причем не только великого Верлена и изобретательного Малларме, но и их жеманных эпигонов. Однако новое время потребовало новых песен, и в грозном 1914 г. Илья Эренбург назвал и представил русскому читателю Аполлинера, с именем которого связана новая французская революционная поэзия”³³.

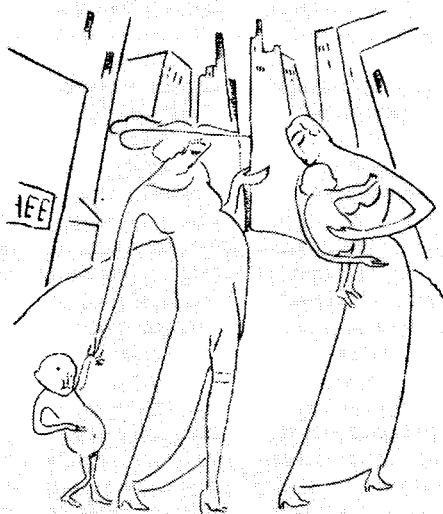
Первая мировая война обозначила существенный рубеж в творчестве Ильи Эренбурга. Именно тогда он заговорил в стихах своим голосом. Корреспондент газет “Утро России” и “Биржевые ведомости” на франко-германском фронте, Эренбург увидел лицо империалистиче-

ской войны – невиданные прежде масштабы бессмысленного уничтожения людей и материальных ценностей, жестокость оккупантов, чудовищный быт войны. Все это вошло в его испуганные стихи и, несмотря на массу цензурных вымарок, открыто обозначенных нескончасыми отточиями, осталось в книге “Стихи о канунах”³⁴. Здесь уже не было и речи о каком-либо стилизаторстве, подражательности или поиске сюжетов – эти стихи наполнены горечью, тоской, прозрениями и отчаянием.

В.Я. Брюсов, всегда стремившийся к объективности критических оценок и столь чуткий к новизне формы в искусстве, откликнулся на “Стихи о канунах” большой статьей³⁵. Статья эта с тех, уже давних, пор не перепечатывалась, приведем из нее несколько отрывков: «Внимание И. Эренбурга заслуживает главным образом серьезностью своего отношения к поэзии. Видно, что для И. Эренбурга стихи – не забава и, конечно, не ремесло, но дело жизни, которое он, худо ли, хорошо ли, пытается выполнить со всем усердием “раба верного”. Молодой поэт настойчиво хочет сказать “свое” (что и есть последняя цель поэзии) и бесстрашно, беспощадно раскрывает свою душу перед читателями, в уверенности, что “высшая искренность и есть высшее искусство”. Нет поэтому у И. Эренбурга гладких стишков на темы, издавна признанные “поэтическими”, нет перепевов общепризнанных образцов поэзии и нет той ложной красивости и того дешевого мастерства, которые так легко приобретаются в наши дни широко разработанной техники стихотворства (вернее сказать, все это встречалось в первых книгах И. Эренбурга, но постепенно он сумел преодолеть соблазн поверхностного успеха). При первом чтении стихи И. Эренбурга скорее отталкивают читателя (...). Но более внимательное чтение убеждает, что стихи И. Эренбурга – поэзия искренняя, что они не выдуманы, а выжиты, рождены в тоске и муках. (...) Основной грех всего творчества И. Эренбурга составляет его подчиненность теориям. Редко он отдается искусству непосредственно; чаще насилует вдохновение ради своего понимания поэзии. Сознательно избегая трафаретной красивости, И. Эренбург впадает в противоположную крайность, и его стихи не звучны, не напевны, а предпочтением поэта к отдаленным ассонансам (вместо рифмы) лишает их последней прикрасы. Боясь всякого лицемерия, всякой условности, И. Эренбург тоже заходит слишком далеко и почти исключительно изображает лишь отвратительное и в своей душе, и в окружающих. Всего более привлекают внимание И. Эренбурга гнойники верхов современной культуры. Выследить все позорное и низменное, что таится под блеском современной европейской утонченности, – вот задача, которую (сознательно или бессознательно) ставит себе молодой поэт. И он с решительностью хирурга, вскрывающего злокачественный нарыв, обнажает в своих непоющих стихах и тайные порывы собственной души, в которых не каждый решится сознаться, и все то низменное и постыдное, что сокрыто под мишурой нашей благовоспитанности и культурности. (...) Если бы все свои прозрения И. Эренбург был в силах облечь в подлинно художественную форму, мы уже имели бы прекрасного поэта. Пока же его стихи – только залог, в котором при внимательном рассмотрении угадываешь высокие возможности. И. Эренбург со своими десятью книгами, написанными корявыми, иногда непристойными стихами, среди которых редко мелькнет сильное четверостишие или глубокая мысль, пока не написал *ничего*. Напишет ли он что-нибудь, достойное великого имени поэта? Мы не беремся предсказывать, но думаем, что это скорее можно ожидать от И. Эренбурга, нежели от авторов многих современных сборников стихов, изящество и “поэтичность” которых облазняют и читателей и некоторых критиков».

Для того чтобы так написать о поэте, стихи которого по форме были безусловно далеки Брюсову, надо было обладать честной непредвзятостью взгляда и подлинной страстью к поэзии. Этими качествами среди всех статей о “Стихах о канунах” были отмечены лишь статьи Брюсова и Волошина³⁶. Но Волошин, не один сезон проведенный на Монпарнасе, отлично знал Эренбурга (поэта и человека) и глубоко чувствовал его художественную и психологическую природу. Между тем трудно представить что-либо более противоположное строгому и педантичному Брюсову, чем образ Ильи Эренбурга, каким он не без некоторого гротеска набросан Волошиным в том же 1916 г.: «С болезненным, плохо выбритым лицом, с большими, нависшими, неуловимо косящими глазами, отяжелелыми семитическими губами, с очень длинными и очень прямыми волосами, свисающими несуразными космами, в широкополой фетровой шляпе, стоящей торчком, как средневековый колпак, сгорбленный, с плечами и ногами, ввернутыми внутрь, в синей куртке, посыпанной пылью, перхотью и табачным пеплом, имеющий вид человека, “которым только что вымыли пол”, Эренбург настолько “лево-бережен” и “монпарнасен”, что одно его появление в других кварталах Парижа вызывает смуту и волнение прохожих. Такое впечатление должны были производить древние цинические философы на улицах Афин и христианские отшельники на улицах Александрии»³⁷.

Статья и письмо Брюсова 1916 г. оказали серьезную моральную поддержку Эренбургу. Письма 1916 г. завершилась их переписка.

И. ЭРЕНБУРГЪ
СТИХИ О КАНУНАХЪ

И. ЭРЕНБУРГ. СТИХИ О КАНУНАХ. 1916

Рисунок М. Воробьевой-Стебельской на обложке и литография Д. Риверы, наклеенная Эренбургом на авантитул

Библиотека СССР им. В.И. Ленина, Москва

В июле 1917 г. Эренбург смог вернуться в Россию, и первый поэт, которого он навещал в Москве, был Брюсов. «Я шел к нему с двойным чувством, – говорит Эренбург в мемуарах «Люди, годы, жизнь», – помнил его письма – он ведь неоднократно приободрял меня, – уважал его, а стихи его давно разлюбил и боялся, что не сдержусь, невольно обижу человека, которому многим обязан»³⁸. Этого, по счастью, не произошло. О той первой (после семи лет заочного знакомства и переписки) встрече Эренбург рассказывал трижды – в 1920, 1936 и 1960 гг. – в воспоминаниях, написанных в различной манере и с различной мерой исповедальности³⁹. Все три рассказа восходят к строчке записной книжки Эренбурга 1917–1918-х годов, где в краткой канве событий и встреч, начиная с отъезда из Парижа, значилось: «Сухаревка. Слепые. Гармошки. Брюсов. Жизнь на 2 плане. О Наде. Жалкий седой»⁴⁰. Эта запись почти не нуждается в комментариях. Чтобы попасть на Первую Мещанскую, где жил Брюсов, Эренбургу пришлось пересечь Сухаревскую площадь, и поразившая его разномастная картина московского толчка навсегда осталась в памяти «необходимым предисловием, ключом к разгадке сложного явления, именуемого «Валерием Брюсовым»»⁴¹. Сам разговор-спор, продолжавшийся, по свидетельству Эренбурга, несколько часов, кажется странным на фоне горячего лета 1917 г. – о поэзии, об античности, о профессиональном мастерстве и обязательности ежедневных экзерсисов; даже волновавшие их обоих воспоминания о не дожившей до революции Н.Г. Львовой не изменили направления беседы. Все это уложилось в формулу «жизнь на втором плане» – едва ли не убийственную в системе ценностей Эренбурга. Снисходительная сострадательность первого впечатления (жалкий, седой! – Брюсов был на восемнадцать лет старше Эренбурга, но ему тогда было всего сорок четыре года) уже вскоре сменилась представлением о жертвенности (полнота жизни жертвовалась «яркопевучим стихам»), хотя лично и неприемлемой для Эренбурга, но достойной уважения. В итоге, несмотря на очевидную отчужденность, эренбурговские портреты Брюсова – поэта и человека – не стали ледяными, они согреты неизменным чувством признательности и пониманием⁴².

Известно, что в ту первую встречу Брюсов подарил Эренбургу книгу стихов, написав на ней: “В знак близости в одном, расхождений в другом”⁴³, порекомендовал познакомиться с Б.Л. Пастернаком, чей поэтический дар ценил⁴⁴. Никакими другими фактами, никакими высказываниями Брюсова о встрече с молодым поэтом, первые шаги которого он поддержал, мы не располагаем. Впечатления Брюсова об Эренбурге можно лишь косвенно реконструировать по двум печатным высказываниям 1922 и 1923 гг.⁴⁵ По-видимому, эти впечатления сводились, с одной стороны, к признанию талантливости и своеобразия Эренбурга, а с другой – к столь чуждой Брюсову богоемности, отсутствию склонности к систематическим упражнениям; словом – к формуле типа “сможет, если будет много работать”⁴⁶. Формула отношения не менялась и потом, разве что по времени усиливались сомнения, что Эренбург начнет наконец работать над стихом, как следует.

Дальнейшие встречи Эренбурга с Брюсовым в Москве 1917–1918 гг. были скорее случайными. В январе 1918 г. Брюсов и Эренбург вошли в московское бюро писателей⁴⁷; несколько раз они встречались в литературных кафе. «Помню кафе в Москве восемнадцатого года, – писал Эренбург по свежим следам событий, – переполненное спекулянтами, матросами и доморощенными “футуристами” (больше по части “свободного пола”), Брюсов должен импровизировать стихи на темы, предлагаемые вышеуказанными знатоками. Он не смущается ни звоном ложечек, ни тупым смехом публики, ни невежеством поданных записок. Строгий и величественный, он слагает терцины. Голос становится непомерно высоким, пронзительным. Голова откинута назад. Он похож в эту минуту на укротителя, поднимающего свой бич на строптивые, будто львы, слова»⁴⁸.

В начале 1918 г. вышла эренбургская “Молитва о России”⁴⁹, недвусмысленно выразившая его резко отрицательное отношение к большевистскому перевороту (“Октября, которого так долго ждал, как и многие, я не узнал”, – дипломатично сказано об этом в ранней автобиографии Эренбурга⁵⁰). Стихи “Молитвы о России”, написанные с обнаженной искренностью, с впечатляющей интенсивностью чувства, воспринимались разделявшими идейную позицию их автора как заметное явление тогдашней русской поэзии⁵¹. Но Брюсов, для которого значительность глобальных планов революционной перестройки мира и культуры не умирала издержками практики их конкретной реализации, понятной, не разделял эренбургских “молитв”, однако в публичной оценке стихов Эренбурга 1917–20 гг. он тактично ограничивался лишь вопросами формы. “Еще ряд поэтов, не примыкая к футуризму, чужд, однако, и всем течениям, выросшим из символизма, – писал Брюсов в большом обзоре. – Таков, напр(имер), {...} Илья Эренбург, усвоивший за последние годы, вместо своего прежнего четкого стиха, манеру писать нарочито неряшливо”⁵².

В сентябре 1918 г. под угрозой ареста Эренбург бежал в Киев. Он вернулся в Москву осенью 1920 г., многое пережив и переосмыслив. И у него снова возникла потребность увидеть Брюсова, не знавшего колебаний, энергично работавшего все эти трудные годы в разных отделах Наркомпроса.

«В 1920 году я пришел к Брюсову в ЛИТО, – вспоминает Эренбург в “Книге для взрослых”. – Он встал и сразу спросил меня: “Где вы хотите работать?. Я не понял и переспросил. Он показал на стену. Это была эпоха диаграмм, но все же я растерялся: диаграмма в кабинете Брюсова определяла строение литературы. Квадраты, круги, ромбы были поэзией, романом, трагедией. Нет, его мечта не была волом! Он продолжал жить до конца своей давней страстью. Сухие, горячие глаза объясняли сущность таинственных квадратов. Эта диаграмма была одной из его последних поэм»⁵³. Тогда же, в 1920 г., в Москве Эренбург написал о Брюсове для начатой им еще в Киеве книги “Портреты русских поэтов”, издать которую он смог полтора года спустя.

В марте 1921 г. Эренбург выехал в заграничную командировку. У него были обширные литературные планы; вез он с собой и массу журналов, альманахов, рукописи стихов русских поэтов (были там и новые стихи Брюсова) – хотел, чтобы их узнали зарубежные читатели. В Париже, а затем в Бельгии Эренбург познакомился с образцами эмигрантской прессы. Ярость некоторых выступлений говорила, что война не кончилась; главный огонь велся по литераторам, оставшимся в России. Содержание и тон этих материалов Эренбург, старавшийся сохранить объективность оценок, счел недопустимым и немедленно выступил против них публично: “Я позволю себе среди непрекращающейся гражданской войны остаться еретиком, который полагает, что ни Бальмонт, проклиная коммунизм, ни Брюсов, его восхваляющий, не теряют равного права на уважение к их литературной деятельности, как два поэта предыдущего поколения, основоположники символизма. Лично я, как поэт, не люблю ни Бальмонта, ни Брюсова, но своим социальным симпатиям равно далек от обоих, но все это не может служить оправданием хулы или хотя бы пренебрежения”⁵⁴.

В 1922 г. в Берлине Эренбург выпустил антологию “Поэзия революционной Москвы”; в предисловии к ней он писал; “Цель этой книги показать, что несмотря на трудные, а подчас и трагические условия, русские поэты продолжают свою ответственную работу... О ценности достижений сможет судить всякий по своим законам. Но надеюсь все же, что книга эта будет не-

чайной радостью для многих и покажет им, как несправедливы рассуждения о гибели российской поэзии”⁵⁵. В “Поэзию революционной Москвы” вошло три стихотворения Брюсова⁵⁶; пять его стихотворений были включены в “Портреты русских поэтов”⁵⁷.

В начале 1922 г. вышла книга лирики Эренбурга “Опустошающая любовь”⁵⁸. Все двадцать три стихотворения этого сборника были написаны в январе 1922 г. после напряженной работы над прозой, занявшей с тех пор главное место в творчестве Эренбурга. “Опустошающая любовь” – последняя книжка Эренбурга, отрещенизированная Брюсовым⁵⁹. Его внимание привлекло, вероятно, не только содержание стихов («Общий смысл книги дан в ее заглавии, – писал Брюсов. – Октябрьская революция спасает и спасет Россию, тогда как для “испеленной” Европы спасения нет»⁶⁰), но также классическая строфика и словарь символистов, неожиданные у Эренбурга после его стихов 1916–1921 гг. Отметив, что тема книги – “наша революция”, что стихи Эренбурга – “сделанные умело, – для взгляда не слишком изощренного, – чуть не мастерские”, Брюсов без обиняков признался: “Мне его новые стихи решительно не нравятся”⁶¹. Далее следовал детальный, строго логический анализ нескольких стихотворений – этого анализа они не выдержали. Действительно, для многих стихотворений “Опустошающей любви”, как и последующих сборников “Звериное тепло” и “Не переводя дыхания”⁶², характерны вообще неорганичная для Эренбурга и затуманивающая смысл стиха усложненность формы (так проявилось сильное тогда влияние Пастернака) и некоторая словесная небрежность. Однако на вопрос: “Есть ли в книге хорошие стихи?” – Брюсов ответил: “Есть, и даже очень хорошие”⁶³, и все-таки общий его вывод был жестким: “Надеяться, что И. Эренбург перестанет небрежно записывать первые приходящие в голову слова, станет серьезно работать, и тогда явится в нашей литературе выдающимся поэтом, – трудно”⁶⁴.

17 декабря 1923 г. Илья Эренбург выступил с докладом на вечере, посвященном пятидесятилетию В.Я. Брюсова, в зале “Берлинер Сецессион”. Доклад этот сохранился лишь в газетном изложении: «В остроумном и ярком сообщении Эренбург отметил, что присвоение юбиляру звания “народного поэта республики” не вполне выражает действительные заслуги Валерия Брюсова в русской литературе. Метафорически Брюсову подобал бы титул председателя комиссии по ликвидации поэтической безграмотности, ибо именно он во времена глубокого упадка русской поэзии боролся с безграмотностью в литературе. Это поэт, который не только любит истину, но и проповедует и распространяет ее. Он в смешанных аудиториях учил до революции “декадансу”, а в 1920 г. знакомил рабочих с Уолтом Уитменом. Брюсов вечный учитель, как сын молодого, полного сил народа, он не знает разьедающего скепсиса и, любя поэзию, стремился сделать ее достоянием всего народа. Брюсов противопоставил увлечению славянофильством европеизм, знакомя Россию с выдающимися произведениями западной поэзии и литературы. Брюсов примкнул к революции не во времена НЭПа, а в период военного коммунизма, в самые тяжелые годы. Он не отделил себя от революции, хотя пришел к ней своим собственным путем, и это его великая заслуга, как бы на него ни клеветали эмигрантские газеты Пасси и Шарлоттенбурга. Вместе с передовыми поэтами и писателями Запада он не на стороне прошлого, а на стороне будущего. Брюсов признанный классик, но он не стареет, он любовно выращивает новые поколения русских поэтов, хотя бы и далеких ему по направлению. У Брюсова есть своя трагедия. Если слава всеми признанных и любимых Блока и Маяковского светла, если “нежная слава” окружает Анненского и других немногих поэтов, признанных и любимых одними только истинными поэтами, то Брюсов, будучи всеми признан, пользуется славой, в которой, как и в его стихах, есть холод. Брюсов один в своих поисках тайной магии стиха»⁶⁵.

Последнее выступление Эренбурга, посвященное Брюсову, состоялось в Париже осенью 1924 г. на вечере памяти поэта. Вспоминая этот вечер, Эренбург написал: “Я был в Париже; мы устроили вечер памяти Брюсова. Когда человек умирает, вдруг его видишь по-новому – во весь рост. Есть у Брюсова прекрасные стихи, которые кажутся живыми и ныне. Может быть, над его колыбелью и не было традиционной феи, но даже если он не родился поэтом, он стал им. Он помог десяткам молодых поэтов, которые потом его осуждали, опровергали, ниспровергали. А молодой Советской России этот неистовый конструктор, неутомимый селектор был куда нужнее, чем многие сладкопевцы. Не могу не вспомнить еще раз моих парижских лет. Валерий Яковлевич меня поддержал; даже его упреки помогли мне жить”⁶⁶.

Здесь публикуются все 12 писем Эренбурга и единственное письмо Брюсова, сохранившиеся в архиве В.Я. Брюсова (ГБЛ. Ф. 386, 110.10; 73.19). Тексты писем были предоставлены И.Г. Эренбургу в период его работы над мемуарами “Люди, годы, жизнь”; п. 12 и 13 цитировались им в первой книге мемуаров. П. 1 и 13 были опубликованы Б.М. Сарновым (ВЛ. 1973. № 9. С. 193–195). Остальные письма публикуются впервые. Письма Брюсова в архиве Эренбурга не сохранились (вся довоенная часть этого архива погибла).

¹ О начале литературной работы Эренбурга см.: *Эренбург И.* Собр. соч. М.: Худож. лит., 1966. Т. 8. С. 72–87; *Киреева М.* Из воспоминаний: Илья Эренбург в Париже 1909 года / Публ., предисл. и коммент. Б. Фрезинского // *ВЛ*. 1982. № 9.

² Первое стихотворение Эренбурга “Я шел к тебе” было напечатано в журнале “Северные зори” (1910, № 5, 8 янв.). Затем стихи Эренбурга печатались в петербургских журналах “Возрождение”, “Жизнь для всех”, “Кривое зеркало”, в московской газете “Студенческая жизнь”. В 1910 г. в периодике было напечатано 30 стихотворений Эренбурга (*Попов В. В.* Библиография произведений И. Г. Эренбурга: Рукопись. архив публикатора. Ленинград).

³ Личный архив Е. Г. Полонской (Ленинград). Сообщение М. Л. Полонским. Это первое документальное упоминание о литературной работе И. Эренбурга.

⁴ *Эренбург И.* Собр. соч. Т. 8. С. 38, 40.

⁵ *РМ*. 1911. № 2. С. 232–233.

⁶ *Эренбург И.* Собр. соч. Т. 8. С. 77. Эренбург здесь ошибочно указывает, что статья Брюсова была помещена в газете “Русские ведомости”, где была напечатана другая статья Брюсова об Эренбурге. См. прим. 35.

⁷ Новая русская книга. Берлин, 1922. № 2. С. 17.

⁸ Утро России. 1911. № 34. 12 февр.

⁹ Аполлон. 1911. № 5. С. 78.

¹⁰ Наст. кн., Переписка с Гумилевым, п. 68.

¹¹ *Эренбург И.* Я живу. СПб.: Тип. т-ва “Общественная польза”, МСМХИ.

¹² Речь. 1911. № 271. 3 окт.

¹³ Аполлон. 1911. № 10. С. 74.

¹⁴ Эта книга с дарственной надписью Эренбурга: “Валерию Брюсову поэту и учителю” – сохранилась в библиотеке Брюсова (*ГБЛ*. Ф. 386. Книги. № 1505).

¹⁵ *Эренбург И.* Одуванчики. Париж, 1912. Экземпляр книги с дарственной надписью: “Валерию Яковлевичу Брюсову Эренбург” – хранится в библиотеке Брюсова (*ГБЛ*. Ф. 386. Книги. № 1506).

¹⁶ *Ходасевич В.* Русская поэзия // Альманах “Альциона”. 1914. № 1. С. 209.

¹⁷ Гелиос. Париж, 1913. № 1. С. 14.

¹⁸ *ЦГИАЛ*. Ф. 779. Оп. 4. Ед. хр. 324. Л. 39.

¹⁹ *РМ*. 1913. № 8. С. 74.

²⁰ См., например, типичные в этом смысле рецензии: С. 3. (Московские новости. 1913. 13 июля) и В. Лобнова (Речь. 1913. 13 мая).

²¹ *Эренбург И.* М. Кузмин. Сети. М., 1908. – М. Кузмин. Куранты любви. М., 1910 // *Голос Сибири*. Иркутск, 1911. № 74. 30 марта (см. также: *Попов В.* Первые публикации И. Г. Эренбурга // Альманах “Сибирь”. 1974. № 5. С. 91–94; Заметки о русской поэзии // Гелиос. Париж, 1913. № 1; Новые поэтессы // Гелиос. Париж, 1913. № 2.

²² См.: *Эренбург И.* Собр. соч. Т. 8. С. 78–79, а также: *ВЛ*. 1982. № 9. С. 156.

²³ *Жамм Ф.* Стихи и проза / Пер. И. Эренбурга и Е. Шмидт. Предисл. автора. Москва: Т-во скоропеч. А. А. Левенсона, 1913 (стихи Жамма переведены Эренбургом, а проза – его первой женой Е. Шмидт).

²⁴ *ЦГАЛИ*. Ф. 1610. Оп. 1. Ед. хр. 38. Л. 1–2. Имеется в виду антология Брюсова: *Французские лирики XIX в.* СПб.: Пантеон, 1909; то же: *ПСС XXI*.

²⁵ *Эренбург И.* Собр. соч. Т. 8. С. 40. Письмо не сохранилось. Ответ Эренбурга в архиве Брюсова отсутствует.

²⁶ См., например, недатированное письмо Эренбурга к Волошину (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 1338. Л. 1).

²⁷ *Брюсов В.* Поэты Франции. Переводы И. Эренбурга. Париж, 1914 // *РМ*. 1914. № 4.

²⁸ Поэты Франции 1870–1913 / Пер. И. Эренбурга. Париж: Книгоиздательство “Гелиос”, 1914. Эта книга с дарственной надписью: “Валерию Яковлевичу Брюсову И. Эренбург. 4 марта 14 г.” – сохранилась в фонде Брюсова (*ГБЛ*. Ф. 386. Книги. № 1507); на ней несколько карандашных помет Брюсова: “Вздор” (с. 20 – “Свет луны туманный” Верлена), “Нет” (с. 21 – “Тень деревьев” Верлена), “Число стихов? Верлен, право, был болтлив? Наговорил лишнее?” (с. 22 – “Рука печальная ласкает пианино” Верлена), “Недурно” (с. 28 – “Les chertcheuses de roux” Рембо), “Эст(етизм)” (с. 35 – “Мне внемлют только мертвецы” Мореаса), трижды сделана помета “Разобрать” (с. 24 – “Бедные добрые помыслы” Верлена, с. 27 – “Сон на зиму” Рембо, с. 75 – “Осень” Вьеле-Гриффена). На переводах поэтов более позднего поколения брюсовских помет нет.

²⁹ *РМ*. 1914. № 4. С. 132.

³⁰ Северные записки. 1914. № 7. С. 193.

³¹ *Городецкий С.* Девять книг // Речь. 1914. № 67. 10 марта.

³² Б. А. Слуцкий не вполне точен в этом утверждении: все названные поэты были на 8–10 лет старше Эренбурга. С. Ш. Вильдраком и Г. Аполлинером Брюсов был знаком лично. см., например: *Лавров А. В.* Брюсов в Париже (осень 1909 г.) // *Взаимосвязи русской и зарубежной литературы*. Л.: Наука, 1983.

³³ *Слуцкий Б.* Предисловие // Эренбург И. Тень деревьев. М.: Прогресс, 1969. С. 10.

³⁴ *Эренбург И.* Стихи о каноунах. М.: Т-во скоропеч. А. А. Левенсона, 1916. Книга сохранилась в архиве Брюсова; на авантитул ее наклеена литография Д. Риверы с надписью: “Валерию Яковлевичу Брюсову И. Эренбург. 1916” (*ГБЛ*. Ф. 386. Книги. № 1508).

³⁵ *Брюсов В. И.* Эренбург. Стихи о каноунах. М., 1916 – И. Эренбург. Повесть о жизни некоей Наденьки и о вещих знамениях, явленных ей. 1916 – И. Эренбург. Отрывки из “Большого завещания”, баллады, разные стихотворения Франсуа Вийона-М., 1916 – Жак де Безье, трувер Фландрии. О трех рыцарях и о руба-

хе. Повесть XIII века. Перевел со старофранцузского И. Эренбург. М., 1916 // *РВ*. 1916. № 155. 6 июля. Переводом Эренбурга из Вийона Брюсов посвятил и отдельную заметку (Известия литературно-художественного кружка. 1916. сент. Вып. 14–15. С. 84), в которой писал: «Интересный (хотя еще совсем не установившийся) поэт, И. Эренбург – плохой переводчик. Он слишком удаляется от оригинала, заменяет целые стихи своими измышлениями, стремится смелостью, грубостью и своеобразием “воровского” жаргона французского стихотворца XV в. заместить аналогичными русскими выражениями: но это было бы под силу лишь исключительно мастеру, а И. Эренбург, “руссифицируя” Вийона, лишает его всякого своеобразия». Отметим, что через сорок лет Эренбург вернулся к этой работе (см.: *Эренбург И. Собр. соч.* Т. 6. С. 384–394) и последняя редакция его переводов из Вийона стала общепризнанной.

³⁶ *Волошин М.* Илья Эренбург – поэт // *Речь*. 1916. № 300. 31 окт.

³⁷ Там же.

³⁸ *Эренбург И. Собр. соч.* Т. 8. С. 224.

³⁹ *Эренбург И.* Портреты русских поэтов. Берлин: книгоиздательство “Аргонавты”, 1922. С. 48–52; *Он же.* Книга для взрослых. М.: Сов. пис., 1936. С. 141–143; *Он же. Собр. соч.* Т. 8. С. 223–230.

⁴⁰ *ЦГАЛИ.* Ф. 1204. Оп. 2. Ед. хр. 386. Л. 4. В книге “Люди, годы, жизнь” Эренбург счел необходимым смягчить последние слова этой записи: «Валерий Яковлевич показался мне глубоким стариком, и в книжку я записал: “Седой, очень старый”» (*Эренбург И. Собр. соч.* Т. 8. С. 229).

⁴¹ *Эренбург И. Собр. соч.* Т. 8. С. 225.

⁴² Заметим, что Эренбурга огорчил памфлет М.И. Цветаевой “Герой труда”: “Она написала о В.Я. Брюсове много несправедливого: видела внешность и не попыталась заглянуть глубже, задуматься” (*Эренбург И.* Т. 8. С. 233).

⁴³ *Эренбург И. Собр. соч.* Т. 8. С. 229. Книга Брюсова с его автографом не сохранилась в библиотеке Эренбурга. По свидетельству дочери писателя И.И. Эренбург, она пропала, скорее всего, после Отечественной войны, но Эренбург, дороживший добрым отношением Брюсова, надпись на книге помнил и привел ее по памяти; содержание этой надписи в мемуарах Эренбурга прокомментировано так: “Это относилось к нашему спору о поэзии”.

⁴⁴ “В июле 1917 г., – писал Пастернак в очерке “Люди и положения”, – меня по совету Брюсова разыскал Эренбург. Тогда я узнал этого умного писателя, человека противоположного мне склада, деятельного, незамкнутого” (*Пастернак Б.* Воздушные пути. М.: Сов. писатель, 1982. С. 459).

⁴⁵ *Брюсов В.* Вчера, сегодня и завтра русской поэзии (VI, 511); *Брюсов В.* Среди стихов // *ПР*. 1923. № 7. С. 70–73.

⁴⁶ Формула такого рода не была у Брюсова общеприменимой, хотя он и считал постоянные упражнения необходимыми для каждого поэта. Так, ругая Эренбурга за небрежности в работе, он тут же замечал: “Но совершенно безнадежно, чтобы выдающегося поэта мы получили в лице Владислава Ходасевича, потому что этот – не небрежен: он явно работает, даже чересчур, и, следовательно, дает все, что может дать” (*ПР*. 1923. № 7. С. 70).

⁴⁷ Московская газета “Мысль”, сообщая в № 5 от 28 января 1918 г. о создании этого бюро, отмечала: “Как видно из простого перечня имен, группа духовно ничем не объединена, и бюро ее не является чем-то фиксирующим определенное направление. Главной целью бюро является защита членов его от эксплуатации предпринимателей”.

⁴⁸ *Эренбург И.* Портреты русских поэтов. С. 50–51.

⁴⁹ Судя по записной книжке Эренбурга 1917–18 годов (*ЦГАЛИ.* Ф. 1204. Оп. 2. Ед. хр. 386. Л. 43 – перечень лиц в датальном падеже, представляющий собой, по-видимому, список рассылки “Молитвы о России”), книга была послана Брюсову (наряду с Бальмонтом, Блоком, Ахматовой, Лозинским, Ходасевичем и другими поэтами), но в его библиотеке не сохранилась.

⁵⁰ Новая русская книга. Берлин, 1922. № 4. С. 44.

⁵¹ См., например: *Волошин М.* Поэзия и революция: Александр Блок и Илья Эренбург // Камена. 1919. Кн. 2. С. 10–28.

⁵² VI. 511.

⁵³ *Эренбург И.* Книга для взрослых. С. 142–143. В “Портретах русских поэтов” эта картина выглядит менее патетично: «Я не забуду его, уже седого, но по-прежнему сухого и неуступчивого в канцелярии “Лито” (Литературного отдела Н.К.П.). На стенах висели сложные схемы организации российской поэзии – квадратики, исходящие из кругов и передающие свои токи мелким пирамидам. Стучали машинки, множа “исходящие”, списки, отчеты, сметы, и, наконец-то, систематизированные стихи» (с. 51).

⁵⁴ *Эренбург И.* Au-dessus de la mêlée // Русская книга. Берлин, 1921. № 7–8. С. 1.

⁵⁵ Поэзия революционной Москвы / Под ред. И. Эренбурга. Берлин: книгоиздательство “Мысль”, 1922. С. 3–5.

⁵⁶ “Помню, помню вечер нежный”, “Третья осень” и перевод из Гете – “Classische Walpurgisnacht”, напечатанные по тексту “Художественного слова” (1920, кн. 1 и 1921, кн. 2). Отметим, что строчку из “Третьей осени” Эренбург поставил эпиграфом к своей статье о третьей осени гражданской войны в Испании, написанной в сентябре 1938 г. (см.: *Эренбург И.* Испанские репортажи 1931–1939. М.: Изд-во АПН, 1986. С. 321). Эта статья начинается словами: “В 1919 г. Валерий Брюсов написал стихи о народе, который третью осень голодал, мерз и сражался. Этот народ победил. Среди позора Европы на высотах вокруг Гаэты стоят гордые люди, которые не хотят расстаться с мечтой о победе» (с. 326).

⁵⁷ “Вечерний прилив”, “Я” (“Мой дух не изменю во мгле противоречий...”), “Поэту” (Ты должен быть гордым, как знамя...), “Веселый зов весенней зелени...” и “Третья осень”.

И.Г. ЭРЕНБУРГ

Портрет работы А. Федера. 1916

Местонахождение портрета неизвестно,

репродукция картины находится в собрании И.И. Эренбург, Москва

⁵⁸ Эренбург И. Опустошающая любовь. Берлин: изд-во "Огоньки", 1922. Книга сохранилась в архиве Брюсова (ГБЛ. Ф. 386. Книжки. № 134); дарственной надписи на ней нет; на страницах 9 и 25 подчеркнуты отдельные слова и поставлены вопросительные знаки, на странице 43 отчеркнута вторая строфа стихотворения "Когда замолкнет суесловье...".

⁵⁹ Брюсов В. Среди стихов // ПР. 1923. № 7.

⁶⁰ Там же. С. 72–73.

⁶¹ Там же. С. 71.

⁶² Эренбург И. Звериное тепло. Берлин: Геликон, 1923. Книга лирики "Не переводя дыхания", написанная в 1923 г., издана не была (см.: Поэзия. № 40. М.: Мол. гвардия, 1984. С. 141–144).

⁶³ ПР. 1923. № 7. С. 73. Понравившиеся Брюсову стихи в рецензии не названы; видимо, к ним относится стихотворение "Когда замолкнет суесловье", в котором Брюсов отчеркнул вторую строфу:

Запомни только – сын Давидов –
Филистимлян я не прошу.
Скорей свои цимбалы выдам,
Но не разящую пращу.

(об этой строфе Я. Ивашкевич справедливо сказал, что ее "можно считать жизненной программой Эренбурга, программой, которую он выполнял всю свою долгую и трудную жизнь" – ВЛ. 1984. № 1. С. 197).

⁶⁴ ПР. 1923. № 7. С. 73. Отметим, что в статье "Илья Эренбург и Валерий Брюсов", впервые система-

тизированной разбросанные в периодике взаимные высказывания двух поэтов, Е.И. Ландау пытался смягчить этот отзыв об “Опустошающей любви”: «Если бы Брюсов принял во внимание предшествующие ей сборники “Огонь” (Гомель, 1919), “Раздумья” (Петроград, 1921) и “Зарубежные раздумья” (М., 1922), – он вынес бы, надо полагать, иной вердикт» (Лит. Армения. 1971. № 4. С. 102). Увы, приведенное нами высказывание Брюсова из статьи “Вчера, сегодня и завтра русской поэзии” не позволяет разделить эту надежду.

⁶⁵ Шенфельд Б.М. Чествование Валерия Брюсова в Берлине // Накануне. 1923. 19 дек.

⁶⁶ Эренбург И. Собр. соч. Т. 8. С. 229.

1. ЭРЕНБУРГ – БРЮСОВУ

(Париж, не позднее сентября 1910 г.)

Милостивый Государь,

Весной этого года Вы взяли на себя труд просмотреть мои первые стихи. Ваши указания послужили мне руководством в дальнейшей работе над стихом¹. Теперь я обращаюсь к Вам с просьбой прочесть мои стихи, изданные сборником². Я знаю, что это лишь ученические опыты, полные ошибок, часть которых я уже сознаю. Целый ряд стихотворений (стр. 10, 12, 14, 25, 45, 55, 73 и др.) печатать не следовало бы. Во многих – прямое подражание (Вам, Роденбаху³, Кузмину и нек(оторым) др(угим)). Наконец, ряд неправильностей обезображивает язык стихов.

Все же я прошу Вас ответить – есть ли в этих стихах мое? Есть ли в них *raison d'être*?* Вы понимаете, почему я обращаюсь именно к Вам. Ваши книги были моими учебниками. Извините, что тревожу Вас своей просьбой.

С искренним уважением И. Э р е н б у р г.

Датируется по содержанию. Судя по обращению (в остальных письмах Эренбург обращается к Брюсову по имени и отчеству), это первое письмо Эренбурга Брюсову. Впервые опубликовано Б.М. Сарновым (*ВЛ*. 1973. № 9. С. 193) с незначительными неточностями в тексте и датировкой по почтовому штемпелю на конверте 29 XII 1911 г. (в архиве Брюсова конверты хранятся отдельно от писем и на письмах нет отметок о том, из каких конвертов они вынуты). Т.к. не позже сентября 1911 г. вышла уже вторая книга Эренбурга “Я живу” (в ней только 56 страниц), то, следовательно, здесь речь идет о первой книге, вышедшей не позже сентября 1910 г. (13 сентября 1910 г. в “Московской газете” появилась первая рецензия на парижский сборник Эренбурга).

¹ В какой форме были сделаны эти указания – неизвестно. Возможно, Брюсов вернул рукопись Эренбургу с пометами и замечаниями на полях, как он часто делал, читая присланные ему стихи начинающих авторов.

² Эренбург И. Стихи. Париж, 1910. В архиве Брюсова первая книга Эренбурга не сохранилась.

³ Жорж Роденбах – бельгийский прозаик и поэт, писавший по-французски. Л. Войтоловский, рецензируя первую книгу Эренбурга в “Киевской мысли” 1 октября 1910 г., писал: «Я озаглавил бы всю эту книгу: “Под влиянием Роденбаха”».

2. ЭРЕНБУРГ – БРЮСОВУ

(Париж. Апрель 1911 г.)

Уважаемый Валерий Яковлевич,

будучи вполне согласным с Вашим мнением о моих стихах, находясь в редакции “Русской Мысли”, я рад, что не с ними я выступлю в Вашем журнале¹.

Я посылаю Вам новые стихи, которые мне кажутся иными и по своим задачам и по технике². Мне очень хотелось услышать Ваше мнение об этих стихах.

Уважающий Вас И. Э р е н б у р г.

Мой адрес: М-г Ehrenbourg, 103, rue Vaugirard, Paris

Датируется по содержанию (см. прим. 1).

¹ Речь идет, видимо, о стихах, присланных Эренбургом в редакцию “Русской мысли” в марте 1911 г. Какие это были стихи – нам неизвестно. В архиве Брюсова сохранился конверт, на котором рукой Эренбурга написан адрес редакции “Русской мысли”; обратный адрес – Италия; штемпель московской почты –

* имеют ли они право на существование (*франц.*)

11 (24) марта 1911 г. Из содержимого конверта сохранилась лишь визитная карточка Эренбурга, на которой им от руки парижский адрес исправлен на итальянский (*ГБЛ*. Ф. 386, 110. 10. Л. 1). Судя по почтовым штемпелям, почта из Западной Европы в Москву шла в 1911 г. три дня; следовательно, в начале апреля Эренбург вполне уже мог получить ответ Брюсова, о котором он здесь пишет.

² В архиве Брюсова сохранились автографы 11 стихотворений Эренбурга, написанных теми же чернилами и на той же бумаге, что и п. 2 (*ГБЛ*. Ф. 386, 110. 10. Л. 10–20). Шесть из них без разночтений вошли в сборник “Я живу” (“Я подошел к вершинам Миниаго”, 4 стихотворения “Времена года” и “Христу”), а пять – опубликованы не были (“Мосты над Арно”, “Как ясен день у золотого Арно” и три стихотворения о Боттичелли). В книгу “Я живу” вошли четыре других стихотворения этого цикла.

3. ЭРЕНБУРГ – БРЮСОВУ

(Париж. Около 23 мая / 5 июня 1911 г.)

Уважаемый Валерий Яковлевич,

интерес, проявленный Вами к моим стихам, позволяет мне вновь обратиться к Вам за советом.

За последний месяц мной был написан ряд стихотворений, которые как по своим темам, так и по строению стиха, как мне кажется, отличаются от написанных мною раньше. Вследствие этого у меня возникло желание издать новый сборник стихов¹.

Я очень хотел бы знать Ваше мнение как об этих стихах, так и о моем намерении издать их.

Должен оговорить, что я этим стихам придаю значение ученических работ, и поэтому меня гл(авным) обр(азом) интересует вопрос о том, насколько они интереснее и содержательнее, совершеннее по форме стихов, составляющих мой первый сборник.

Простите, что так часто беспокою Вас

Глубоко уважающий Вас И. Э р е н б у р г.

P.S. Если Вы захотите выбрать из этих стихов что-либо для “Русской Мысли”, то примите во внимание, пожалуйста, следующее: стихи 1) Авиатор, 2) Молитвы, 3) Осенние терцины и 4) Пан – были раньше посланы мной для “Альманаха” Мусагет, и я не знаю, какие именно из них свободны². Остальными стихами Вы можете, в случае надобности, располагать.

Мой адрес: Ehrenbourg 39, Brd Port-Royal, Paris

Датируется по почт. шт. получения на конверте (Москва 27 мая 1911).

¹ См. вступ. ст., прим. 11.

² В архиве Брюсова эти стихотворения не сохранились. В “Антологию”, выпущенную издательством “Мусагет” в 1911 г., стихи Эренбурга не вошли. Рецензируя эту антологию в “Русской мысли” (1911. № 8), Брюсов написал: “Из молодых, об отсутствии которых надо пожалеть, назовем И. Эренбурга, Черубину де Габриак, Ахматову, В. Нарбута”. Стихотворения “Авиатор” и “Пан” вошли в сборник “Я живу”, остальные опубликованы не были.

4. ЭРЕНБУРГ – БРЮСОВУ

(Париж. 3 сентября 1911 г.)

Многоуважаемый Валерий Яковлевич,

я только теперь получил Ваше письмо с извещением о Вашем намерении напечатать в “Русской Мысли” мое стихотворение “Весна”. К сожалению, оно включено в мой новый сборник стихов, вышедший на-днях¹. Я глубоко сожалею об этом, тем более, что в течение последнего месяца я откладывал печатание книги, ожидая Вашего ответа.

Я посылаю Вам свой новый сборник стихов. Если Вы и найдете в нем стихи более совершенные, то в этом я в значительной степени обязан Вам.

Прилагаю Вам несколько новых стихотворений, б.м. какое-либо из них Вы найдете подходящим для “Р(усской) Мысли”².

Уважающий Вас И. Э р е н б у р г

Мой адрес: M-r Ehrenbourg 39, B-d Port-Royal, Paris

Датируется по почт. шт. получения (Москва 24 августа 1911).

¹ См. вступ. ст., прим. 11.

² Судя по бумаге и чернилам, к этому письму были приложены неопубликованные стихотворения «Она рожала долго и сурово», «Из труб спадал тяжелый запах гари» и, возможно, «Душа моя весной наивной». На конверте имеется карандашная помета: «Взято стих. «Флоренция»». Видимо, речь идет о стихотворении «Перед Флоренцией», напечатанном в «Русской мысли» (1912. № 4).

5. ЭРЕНБУРГ – БРЮСОВУ

(Париж. 8 января 1912 г.)

Многоуважаемый Валерий Яковлевич!

Посылаю Вам несколько стихотворений, которые, быть может, подойдут для «Русской мысли»¹.

Пользуюсь случаем просить Вас высказать мне свое мнение о моих последних стихах. С большим нетерпением жду я Ваших указаний.

Уважающий Вас И. Э р е н б у р г

9 rue Campagne Première Paris

Датируется по парижскому почт. шт.

¹ Судя по чернилам, к этому письму были приложены неопубликованные стихотворения Эренбурга «О эта мутная весна» и «Когда смолкает буйный глас», а также вошедшие без разночтений в сборник «Одуванчики» стихотворения «Как мало мать мы в детстве ценим» и «Когда ты с грустью терпеливой». К этому письму (либо к п. 4) относятся также машинописные тексты стихов «Год», «Детство, одуванчик нежный» (без разночтений вошли в «Одуванчики») и «Мы у моря проходили. Утро было» (не опубликовано).

6. ЭРЕНБУРГ – БРЮСОВУ

(Париж. 19 октября 1912 г.)

Уважаемый Валерий Яковлевич,

я посылаю Вам несколько сделанных мной переводов стихов Франсиса Жамма¹. Не думая, чтобы они были достаточно совершенны для помещения в «Русской мысли», я очень прошу Вас просто высказать Ваше мнение о них. Я продолжаю работать над переводами стихов Жамма, и Ваши указания помогли бы мне в этом.

Простите, что беспокою Вас

Уважающий Вас И. Э р е н б у р г

3bis place de la Sorbonne, Paris

Датируется по парижскому почт. шт.

¹ К письму приложены автографы и машинописные тексты переводов восьми стихотворений из книги Жамма «От утреннего благовеста до вечерни» и двух – из книги «Траур весен». На первой странице рукой Эренбурга написано:

«Francis Jammes

из книг «De l'Angelus de l'Aube à l'Angelus du Soir»

и «Le Deuil des Primeveres»

переводы И. Эренбурга».

Все переводы, за исключением стихотворения «Все тихо, ласточка за ставнями шумит» (книга «Траур весен»), вошли в печатный текст сборника (см. вступ. ст., прим. 23).

7. ЭРЕНБУРГ – БРЮСОВУ

(Париж, 21 октября 1912 г.)

Уважаемый Валерий Яковлевич,

я забыл в письме указать, что если какие-либо из переведенных стихотворений покажутся стоящими быть напечатанными – Вы можете, конечно, воспользоваться ими. Мною получено от автора на это разрешение¹.

Уважающий Вас И. Э р е н б у р г

Датируется по парижскому почт. шт. Дополнение к п. 6.

¹ Эренбургские переводы из Жамма в периодике не печатались.

ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ В РОТОНДЕ

Шарж А. Гоффмейстера. 1915

Слева внизу – И. Эренбург, в центре – Д. Ривера, справа – П. Пикассо

8. ЭРЕНБУРГ – БРЮСОВУ

(Париж. Конец 1913 г.)

Уважаемый Валерий Яковлевич,

я в настоящее время занят составлением антологии ряда французских поэтов (1880–1910), стихи которых я перевел на русский язык. Мне кажется крайне необходимым приложить к этой работе как указания о переводах этих поэтов на русский язык, сделанных ранее, так и перечень статей на русском языке. Отсутствие в Париже нужных библиотек сильно усложняет мою работу. Поэтому я решил просить Вас помочь мне в этом, указав все сделанные Вами переводы поэтов этой эпохи, не вошедшие в Вашу книгу “Французские лирики”¹, и статьи Ваши, как о французской поэзии вообще, так и об отдельных авторах. Я буду страшно благодарен, если Вы сделаете это.

Простите, что беспокою Вас и примите уверения в моем искреннем уважении.

И. Э р е н б у р г

155, В-d Montparnasse, Paris

Датируется по содержанию. Предисловие Эренбурга к антологии “Поэты Франции” датировано январем 1914 г., когда книга была уже завершена – она вышла не позднее начала марта 1914 г., так как в марте уже появились газетные рецензии на нее. В архиве Брюсова сохранился относящийся к этому времени самодельный конверт с парижским штемпелем 12–1–14 г., на котором рукой Эренбурга написано: «И-во “Сириус” Пушкинская 10 для Валерия Яковлевича Брюсова. С. Петербург». Однако, судя по сделанной Эренбургом пометке “Imprimé”*, в конверте была отправлена эренбургская книжка “Детское”, вышедшая то-

* печатное (франц.).

гда в Париже и не сохранившаяся в архиве Брюсова. В п. 8 о “Детском” не упоминается – очевидно, книга была отправлена Брюсову не раньше января 1914 г.

¹ Французские лирики XIX века / Пер. в стихах и библиогр. прим. Валерия Брюсова. СПб.: Пантеон, 1909.

9. ЭРЕНБУРГ – БРЮСОВУ

(Париж. 5 апреля 1914 г.)

Уважаемый Валерий Яковлевич,

простите, что до сих пор не мог поблагодарить Вас за доставленные Вами сведения (они очень пригодились для моей книги) и за Ваше милое письмо.

Я послал Вам недавно мою книгу “Поэты Франции”¹. Сейчас посылаю несколько стихотворений Вам для “Русской Мысли”. Напишите, пожалуйста, нашли ли Вы их подходящими².

Еще раз примите мою благодарность.

Искренно уважающий Вас И. Э р е н б у р г

155, B^d Montparnasse, Paris

Датируется по почт. шт.

¹ См. вступ. ст., прим. 28.

² К письму приложены три стихотворения в прозе: два из них – “Пригород” и “Говорят и глядят и взгляды и слова души смутить не могут” – остались неопубликованными, третье – “Безим куда-нибудь, но дальше, дальше!” – в мае 1914 г. Эренбург напечатал в первом номере журнала “Вечера”, который он вместе с В. Немировым начал издавать в Париже (№ 2 вышел в июне 1914 г., после чего издание журнала прекратилось).

10. ЭРЕНБУРГ – БРЮСОВУ

12 octobre 15

Уважаемый Валерий Яковлевич,

посылаю Вам несколько стихотворений из книги “Стихов о канунах”¹, которую я собираюсь издать в течение зимы. Быть может, Вы найдете возможным напечатать что-либо из посылаемого в “Русской Мысли”.

Простите, что я слишком часто пользуюсь Вашей любезностью и Вашим вниманием к моим работам.

Искренно уважающий Вас И. Э р е н б у р г

155, B-d Montparnasse

¹ К письму приложены автографы шести стихотворений; три из них – “После смерти Шарля Пеги”, “Я спросил – почему, неутешный” и “Предутренний сон” – полностью напечатаны в сборнике Эренбурга “Стихи о канунах”, три других – “Тоголь в Риме”, “Хворая тварь” и “Ждала” – были напечатаны в “Стихах о канунах” с цензурными сокращениями.

11. ЭРЕНБУРГ – БРЮСОВУ

(Eze. 23 июня 1916 г.)

Уважаемый Валерий Яковлевич,

простите, что помня Ваше былое внимание к моим стихам, снова тревожу Вас. Я посылаю Вам мою повесть в стихах, Молитву и маленькое стихотворение¹. Быть может, Вы найдете возможным их напечатать в “Русской Мысли”. В противном случае очень прошу Вас отослать рукопись г-же Эренбург, Остоженка 7, Москва².

Извиняюсь, что беспокою.

Уважающий Вас И. Э р е н б у р г

M-г Ehrenbourg Villa Ninos Eze (A.M.) France³

Датируется по почт. шт. (на конверте сохранился лишь московский штемпель 29 VI 1916; судя по п. 13, в 1916 г. письма из Eze в Приморских Альпах шли до Москвы 19 дней).

¹ “Повесть о жизни некоей Наденьки и о вещах знаменьях, явленных ей” была впервые напечатана литографическим способом с иллюстрациями Диего Риверы тиражом сто нумерованных экземпляров в Париже в 1916 г. Стихотворение “Молитва” впервые напечатано в книге Эренбурга “О жилете Семена Дрозда. Молитва”, вышедшей в Париже в 1917 г. в ста экземплярах (экземпляр № 32 этой книги с дарственной надписью: “Валерию Яковлевичу Брюсову И. Эренбург. Париж 9 декабря 1916” – сохранился в архиве Брюсова – ГБЛ. Ф. 386. Книги № 1509). О каком “маленьком стихотворении” идет речь – неизвестно.

² Сестра поэта Изабелла Григорьевна Эренбург (1885–1965), помогавшая ему в предреволюционные годы в издательских делах; в архиве Брюсова, в частности, сохранилась пересланная ею (судя по почерку на конверте) в редакцию “Русской мысли” неопубликованная поэма Эренбурга “Жюль де-Рист” (1911–1912) (ГБЛ. Ф. 386, 110.10. Л. 83–89).

³ Летние каникулы 1916 г. Эренбург с семьей проводил в деревушке Эз (Eze) близ Ниццы; оттуда он регулярно продолжал отправлять очерки в “Биржевые ведомости”.

12. БРЮСОВ – ЭРЕНБУРГУ

5/18 июля 1916
На берегу Клязьмы!

Дорогой поэт!

Уже более *трех лет* (кажется) я не участвую в редакции “Русской Мысли” и вообще никакого литературного журнала². Иначе, конечно, много раз, за эти годы, просил бы у Вас стихов. Не обращайтесь внимания, что я не пишу Вам писем, – не благодарю, напр(имер), за присылаемые книги³, за кои всегда очень признателен. Как где-то говорит Пушкин: “любить Вас у меня есть время, писать к Вам – навряд”⁴. А я искренно люблю Вас, т.е. как поэта, ибо как человека не знаю. Это, однако, не значит, что я люблю Ваши стихи. *Напротив*. Говорю так откровенно потому самому, что люблю в Вас поэта и не хочу оскорблять Вас условными вежливостями. Недавно я написал то, что думаю об Вас, сделал из этого рецензию (причем, разумеется, многим пришлось пожертвовать, оставить только мнения без доказательств, но, как я доказываю свои мысли, ведь Вы угадаете) и послал эту рецензию в “Русс(кие) Ведомости”. К сожалению, я сижу безвыездно в деревне; поэтому судьбы моей рецензии не знаю. Думаю, что она будет помещена в газете *завтра*, в № от 6/19 июля⁵. Тогда пошлю ее Вам и хочу верить, что мои попреки будут Вам приятнее многих иных похвал: сужу по себе. Мой вывод – тот, который применим ко всем “избранным”, т.е. людям, предназначенным к поэзии: “Работайте!” Без работы не бывает Пушкиных, Гете, даже Верлэнгов (ибо *первую* половину жизни будущий Pauvre Lelian⁶ работал много, очень много), а ведь ниже Верлэна Вы быть не захотите, да и не стоит. Не соблазнят же Вас лавры какого-нибудь prince de roütes вроде Поль Фора!⁷ Работайте! Вы *можете* достичь, хотя еще *ничего не достигли*. Впрочем, последнее – неправда, т.е. правда для других, не для Вас. Я-то (как и Вы сами) знаю, чего Вы достигли (и это уже не мало!), но другие еще это из Ваших стихов не могут почувствовать. Работайте и учитесь. И, – личная просьба, не пренебрегайте музыкой стиха. Вы на футуристов не смотрите: они правее (более правы), когда пишут у-е-ы, чем когда рубят тупым топором все ритмы. Вся сущность поэзии – в сочетании звуков и ни в чем более. “Идея”, “содержание”, “чувство” etc – все вздор, все для публики, для Музы одно: “звуки сладкие”, которые и суть “молитвы”. Вы скажете, пожав плечами, что я сообщаю Вам элементарности, как младенцу. Нет! Я передаю Вам здесь эсotericескую тайну, немногим ведомую и еще меньшим числом понятую (Бальмонт, напр(имер), и знает, да не понимает). Если мне сейчас и не верите, все же мои слова запомните: когда-нибудь смысл их Вам откроется. Говорю так смело потому, что слова – не мои: они передаются в изустном предании от поэтов Атлантиды, через поэтов Египта, Греции, Рима, через Данте, Шекспира, Гете, Пушкина до наших дней. Поэзия есть искусство звуков, а не слов и, уж конечно, не понятий. А потом обнимаю Вас через тысячи верст и применяю к Вам, что Вячеслав Иванов писал мне:

“Тебе в Иакхе⁸ целованье
И в Дионисе мой привет”⁹.

Дружески Ваш Валерий Брюсов.

Черновик письма, сохранившийся в архиве Брюсова. На нем карандашом помета Брюсова “Эренбург. Переделано”. Черновик этого письма цитировался в книге “Люди, годы, жизнь”. – См.: *Эренбург И. Собр. соч.* Т. 8. С. 85.

¹ Лето 1916 г. Брюсов провел в деревне Бурково, возле ст. Болшево.

² Брюсов заведовал литературным отделом “Русской мысли” до конца 1912 г. (см.: *Лит. архив.* С. 265).

³ Эренбург посылал Брюсову все книги своих стихов и переводов, за исключением разве что сборника “Будни”, запрещенного к распространению в России. Из 8 книг Эренбурга, вышедших к лету 1916 г., в архиве Брюсова сохранилось 4; всего в архиве Брюсова в ГБЛ хранится 6 стихотворных сборников Эренбурга.

⁴ Перефразированная цитата из письма Пушкина к А.А. Шишкову (август–ноябрь 1823 г.). Точный текст: “любить тебя есть ему время – а писать тебе – навряд”.

⁵ См. вступ. ст., прим. 35.

⁶ Бедный Лелиан (*франц.*) – так звали Верлена в старости.

⁷ Поль Фор был в 1912 г. провозглашен “принцем поэтов”.

⁸ Иакх – одно из наименований Диониса.

⁹ Строки из второго стихотворения цикла “Современники”, обращенного к Брюсову (1903 или 1904 г.). См.: *Иванов В.* Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1976. С. 121.

13. ЭРЕНБУРГ – БРЮСОВУ

(Eze, 7 августа 1916 г.)
155, B-d Montparnasse, Paris

Дорогой Валерий Яковлевич,

Ваше ласковое письмо меня очень тронуло. Спасибо! Я вообще не избалован откликами на свои стихи. Ваши же слова были особенно ценны мне. Я внимательно прочел статью Вашу и письмо. Много хотелось бы сказать в ответ, но я не умею писать писем. Написал Вам длинное, но бросил, вышло что-то ненужное, вроде полемической статьи. Скажу лишь о самом главном¹. Я не подчиняю свою поэзию никаким теориям, наоборот, я чересчур несдержан. Дефекты и свинствия моих стихов – мои. То, что Вам кажется отвратительным, отталкивающим – я чувствую как свое, подлинное, а значит, ни красивое, ни безобразное, а просто должное. Пишу я без рифмы и “размеров” не по “пониманию поэзии”, а лишь п(отому) ч(то) богатые рифмы или классический стих угнетают мой слух. “Музыка стиха” – для меня непонятное выражение – всякое живое стихотворение по-своему музыкально. В разговорной речи, в причитаниях кликуш, в проповеди юродивого, наконец, просто в каждом слове – “музыка”. (Ведь и в диссонансах она!) – Я не склонен к поэзии настроений и оттенков, меня более влечет общее “монументальное”, мне всегда хочется вскрыть вещь, показать, что в ней одновременно таится (формула), что в ней главного. Вот почему в современном искусстве я больше всего люблю кубизм. Вы говорите мне о “сладких звуках и молитвах”. Но ведь не все сладкие звуки – молитвы, или, вернее, все они молитвы богам, но не все – Богу. А вне молитвы Богу – я не понимаю поэзии. Это м.б. очень узко, но не потому, что узкое понимание поэзии, а п(отому) ч(то) я человек узкий... Вот все самое важное, что мне хотелось сказать Вам. Между нами стена, не только тысячи верст! Но я верю, что она по крайней мере прозрачна и Вы можете разглядеть меня. – Я здесь совсем оторван от русской литер(атурной) жизни, не знаю даже, выпустили ли Вы за это время новые сборники? Если в свободную минуту напишете мне об этом, да и вообще – повторите сегодняшнюю нечаянную, но большую радость.

Сердечно Ваш И. Э р е н б у р г

P.S. Называя свой сборник “Канунами”, кроме общего значения, я имел в виду свое частное. Это лишь мои кануны. Из Парижа я пришлю Вам литогр(афические) оттиски новых поэм и прежних, выпущенных из “Канунов”². Э.

Датируется по почт. шт. Большой отрывок из письма был приведен в книге “Люди, годы, жизнь” (см.: *Эренбург И. Собр. соч.* Т. 8. С. 85–86). Полностью опубликовано Б.М. Сарновым (*ВЛ.* 1973. № 9. С. 194–195) с незначительными неточностями в тексте и неправильной датой – 13 VIII 1916 (эта дата значится на московском почт. шт. и соответствует дню прибытия письма в Москву).

E

"Короткая история русской литературы"
М. Писарев и П. Яковлев. М. Кожевников. М. 1911 г.

155, Bd. Montparnasse - Paris.

Дорогой Валерий Иванович, Ваше последнее письмо мне не приспало. Спасибо!
 Я вообще не забавляюсь тем, какими по мне сразу, дами же слова сами собой
 уходят из уст. - Я вспоминаю время своего языка и письма. Много спорил со
 жюри в том, но я не знаю ни о чем. Наконец язык вышел, но потом - был
 что-то туманное, будто по химическим веществам. - Снаружи лишь о садовом пейзаже. Я не
 понимаю, как поэты писали прозу. Я не понимаю и череду пейзажей. Зеркала
 и картины языка уходят - все. Но что язык не может существовать, отсылать
 и существовать как бы, подлинное и реальное, но и другое, а что бы
 язык. Письмо же без языка и без языка не по химическим веществам, а лишь и т. д. Везде
 пейзаж или химический язык и пейзаж или язык. Миром язык не может послужить
 пейзажем - какое же слово химическое не слово пейзажное. Но пейзаж и язык, и при
 этом пейзаж и язык, и пейзаж и язык, пейзаж и язык и пейзаж и язык - пейзаж
 (язык и пейзаж и язык) - и не сказать, что пейзаж и пейзаж, пейзаж и пейзаж
 пейзаж и пейзаж, пейзаж и пейзаж, пейзаж и пейзаж, пейзаж и пейзаж, пейзаж и пейзаж,
 пейзаж и пейзаж (пейзаж, пейзаж и пейзаж). Уста пейзаж и пейзаж и пейзаж и пейзаж и
 пейзаж и пейзаж пейзаж. - пейзаж и пейзаж, пейзаж и пейзаж. Но
 пейзаж и пейзаж пейзаж - пейзаж и пейзаж пейзаж и пейзаж и пейзаж, но
 пейзаж - пейзаж. И пейзаж и пейзаж пейзаж - пейзаж и пейзаж пейзаж. Уста пейзаж и пейзаж
 пейзаж и пейзаж пейзаж, пейзаж и пейзаж пейзаж. Уста пейзаж и пейзаж пейзаж и пейзаж и пейзаж
 пейзаж и пейзаж пейзаж. Пейзаж и пейзаж пейзаж пейзаж и пейзаж и пейзаж и пейзаж
 пейзаж и пейзаж пейзаж и пейзаж пейзаж пейзаж и пейзаж и пейзаж и пейзаж и пейзаж
 пейзаж и пейзаж пейзаж и пейзаж пейзаж и пейзаж и пейзаж и пейзаж и пейзаж и пейзаж
 пейзаж и пейзаж пейзаж и пейзаж пейзаж и пейзаж и пейзаж и пейзаж и пейзаж и пейзаж
 пейзаж и пейзаж пейзаж и пейзаж пейзаж и пейзаж и пейзаж и пейзаж и пейзаж и пейзаж
 пейзаж и пейзаж пейзаж и пейзаж пейзаж и пейзаж и пейзаж и пейзаж и пейзаж и пейзаж
 пейзаж и пейзаж пейзаж и пейзаж пейзаж и пейзаж и пейзаж и пейзаж и пейзаж и пейзаж
 пейзаж и пейзаж пейзаж и пейзаж пейзаж и пейзаж и пейзаж и пейзаж и пейзаж и пейзаж

Игорь Эренбург

ПИСЬМО И.Г. ЭРЕНБУРГА БРЮСОВУ

Автограф, Париж, 13 августа 1916 г.
Библиотека СССР им В.И. Ленина, Москва

¹ Вспоминая уже на склоне лет эту статью, Эренбург выделил в ней главное: "Брюсов был прав, говоря, что мне хотелось показать языку общества. Пять лет спустя я написал сатирический роман "Хулио Хуренито" (Эренбург И. Собр. соч. Т. 8. С. 86).

² Произведения, исключенные цензурой из книги "Стихи о канунах" ("Пугачья кровь" и др.), литографическим способом издать Эренбургу не удалось, они вошли в его книгу "Молитва о России" (М.: Северные дни, 1918). Из "новых поэм" в Париже была напечатана только "О жилете Семена Дрозда" (см. п. 11, прим. 1).